УДК 141.32

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-48-57

Алексей Николаевич Фатенков,
доктор философских наук, профессор,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23);
Приволжский исследовательский медицинский университет
(603005, Россия, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1),
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru
orcid: 0000-0001-8628-2413

Антропология М. Горького взглядом из капиталистического сегодня

В контексте современной общественной ситуации (не без доли иронии) и в соотношении с личностью М. Горького реконструируются его антропологические воззрения. В методологии ставка сделана на экзистенциальный реализм, представляющий собой диалектическое единство инструмента-метода и онтологического основания авторского исследования. Проясняются координаты схождения и расхождения реализма экзистенциального и социалистического. Из текстов в центре внимания пьеса «На дне» (1902), поэма «Человек» (1904) и статьи: «Заметки о мещанстве» (1905), «Разрушение личности» (1909), «Если враг не сдаётся, – его уничтожают» (1930), «О социалистическом реализме» (1933), «Пролетарский гуманизм» (1934). Критически воспринимаются «сверхчеловеческие» идеи М. Горького и некоторые особенности его реализма. Поддерживается настрой писателя против эксплуатации человека человеком и экспансии мещанства. Обсуждается антиномия индивидуализма. Рассматриваются отдельные аспекты гуманистической проблематики. Затрагивается «женский вопрос» и пролетарская линия в размышлениях и поступках писателя. В соотношении с идейно-художественным смыслом произведений М. Горького и с опорой на традиции экзистенциальной философии уточняется и подчёркивается негативная сущность капитализма как такового и современного российского.

Ключевые слова: Максим Горький, антропология, человек, достоинство, гуманизм, реализм, индивидуализм, мещанство, капитализм, эксплуатация

Введение. Несколько вступительных строк. Они пишутся по обыкновению после того, как выстроился основной текст. Он получился критичнее, чем ожидалось. Поэтому требуется некое предисловие-оправдание. Алексей Максимович Горький (Пешков) спас от смерти, голода и холода многих людей, сохранил от вымарывания и сноса многие произведения литературы, живописи, зодчества. И не всё ли равно, каких взглядов он при этом придерживался?.. К тому же, перед нами бесспорный талант. Самородок. Интеллигент в первом поколении, с неизбежными, наверное, в данном случае метаниями. Но он же – словесник, публично высказывавшийся о жизни. Это, в сущности, и даёт право читателю публично говорить о нём. По большей части – именно о его суждениях, естественно, так или иначе соотносимых с его натурой, с перипетиями его жизни, и, что не удивительно, с панорамой жизни теперешней, обрамлённой личным опытом человека, откликнувшегося на круглую дату великого земляка. С некоторых особенностей своего восприятия реальности – и проживаемой, и реконструируемой по книгам – пожа-

луй, и следует начать. А затем обратиться уже к рассмотрению и осмыслению некоторых работ Максима Горького – не претендуя на универсальное обобщение, не играя в объективизм, иронично сторонясь паранойи единственно правильного толкования. Впрочем, ещё несколько предваряющих пунктов, требуемых правилами публикации.

Методология и методы исследования. Ставка сделана на экзистенциальный реализм, представляющий собой диалектическое единство инструмента-метода и онтологического основания авторской работы. Признаётся (постулируется): 1) человек погружён в природно-культурный континуум (тел, вещей, смыслов), который многими своими сегментами существует вне и независимо от индивидуального и коллективного сознания; 2) человеческое сознание не отражает и не конструирует, а реконструирует реальность, добавляя в каждый усваиваемый смысл личностную, экзистенциальную компоненту, без которой интерсубъективные, словарные значения заведомо слабы; 3) содержательная сила мысли не в объективности, априори индифферентной к субъекту, а в глубине, не-

возможной без субъектной фундированности и ангажированности; 4) объективная мысль говорит лишь о том, о чём говорит, глубокая мысль говорит и о большем; 5) высказывание, претендующее на глубину, требует полноты ответственности за его содержание и форму, что удостоверяется изъяснением от первого лица (единственного числа).

Результаты исследования и их обсуждение. В соотнесении с идейно-художественным смыслом текстов М. Горького и с опорой на традиции экзистенциальной философии уточнена и подчёркнута негативная сущность капитализма как такового и современного российского. В проекции нынешней общественной ситуации осмыслены отдельные стороны социальной антропологии М. Горького, преимущественно те, которые связаны с антиномией индивидуализма, апориями гуманизма и критикой мещанства. Накоплен материал, позволяющий в дальнейшем уточнить координаты схождения и расхождения двух реализмов – экзистенциального и социалистического.

Признание не помешает. Люблю свой город. По-русски, «странную любовь». Из его родословной, мещанско-купеческой и инженерно-пролетарской, только инженерная линия не вызывает отторжения. Возможно, я крепко несправедлив по отношению к трём другим. Однако поделаться уже ничего нельзя. Так сложилось. При этом не только Минин с Аввакумом, но и Кулибин с Лобачевским не вызывают в душе каких-то сильных эмоций. В отличие от Горького и Чкалова – знаковых фигур советской эпохи. Хотя в лётчики никогда не стремился и далеко не всё принимаю в мировоззрении и художественной стилистике «буревестника революции». Но рад, что два лучших памятника в городе в лучших, наверное, его местах возведены им. На «нижегородца», конечно, отзываюсь, но для себя остаюсь горьковчанином.

Никогда не фанател ни от коммунистического проекта, ни от безусловного превосходства социализма над капитализмом. Считал, однако, и продолжаю считать социалистическое общество – советское общество 1960–1980-х годов, о котором могу лично свидетельствовать, – более справедливым, позволяющим людям сосредоточиться на собственно человеческих, экзистенциальных проблемах, не умаляя и не маскируя их уже проблемами социальными. Да и отечественной традиции социализм давал, и способен дать, гораздо более прочную подпорку под значимую особенность, самобытность.

Отсюда – неприятие, порой резкое, нынешних капиталистических реалий и их пропагандистского камуфляжа. Изрядно надоели эти слёзы и сопли умиления под заезженную пластинку про «духовность» и «традиционные ценности» вкупе с милитаристской задиристостью и мессианским гонором. Всё это сегодня – в социальном плане – ширма для циничной эксплуатации человека труда, для грабительской пенсионной «реформы». Это знак неспособности или нежелания правящего класса решать элементарные общественные задачи.

Я не в защиту идиллической справедливости и непогрешимости разума. Не за пресно-правильную жизнь. И даже не против абсурда как такового – но не в таком же количестве, и не в такой же, бред просто, стандартизированной форме. Репрезентативен тут шабаш «инноваций» в сфере образования. Непростительно много тратится времени и энергии, эмоциональной прежде всего, на преодоление того, что мешает и самому, и тем людям, которым в состоянии реально помочь (в ремесле перво-наперво). Что делать? Отгородиться от всего, гастрономически-то жизнь сытная, купировать комплекс раздражающих ощущений и замкнуться в надменно-бесплодной схоластике? Рад бы – не получается: «генетика»...

Собственно, абстрагироваться – и означает сыграть за капитализм, за тотальное отчуждение. Когда никому ни до кого нет дела (кроме примитивно посреднического и эксплуататорского). Современный капитализм – это сущностное безделье, прикрываемое эпифеноменальной суетой и видимостью кипучей деятельности. У любимого с детства Джанни Родари есть замечательное стихотворение о профессиональных запахах: труженики – пусть и не все с ароматом мускатного ореха, как у кондитера, но с флюидами значимыми; только бездельник-богач пахнет неважно... никак – пусть хоть зальётся парфюмом. Всё, что действительно необходимо и ценно для человеческой жизни, сейчас может быть создано и без – откровенно паразитической – капиталистической системы. Конкуренция, некогда стимулировавшая рост качественных и недорогих продуктов, теперь детерминирует раздувание мыльных пузырей. Подталкивает, например, к бартерному цитированию в угоду прибавок палочек Хирша. Здесь отошлю читателя к статье декана философского факультета МГУ, члена-корреспондента РАН В. В. Миронова, опубликованной в специальном (тематическом) номере журнала «Со-

крат» в 2016 году. Заголовок бьёт в точку: «Наукометрия как разновидность безумия» (см.: [10]).

Капитализм – это царство количества. Капитализм исходной, старой формации (а вместе с ним – и классический марксизм) пребывал в убеждении, что количество непременно, рано или поздно, перейдёт в качество: приращение свободных денег и свободного времени обернётся полнотой земных благ. Новомодный капитализм эпохи массового потребления озабочен тем, чтобы внешние, количественные новации не изменили – лишь сублимировали – его суть. Тактика элементарна: сделав потребление по преимуществу символическим, постулировать безграничный рост потребности в нём. Марксизм, не в юбилейный год будет сказано, поступил неумно, взяв на вооружение закон возвышения потребностей – фундаментально капиталистический, и с дальним прицелом капиталистический, закон. Ведь имитация имитации тоже в определённом смысле есть «возвышенная», «утончённая» потребность.

Брендинговой ипостаси капитализма, вочию лицеэримой сегодня, её пособникам, носителям фетишизированных торговых марок, самый стильный ответ дан в строках поэтического шедевра Константина Григорьева «Идите в шопинг»: «...Да, вы – богаче, да – вы круче, / Но мне вам хочется сказать: / – Да на х... мне / все ваши Гуччи, / И Хьюго Боссы, вашу мать? / Вам вынули мозги, ребята, / И вставили вместо них / Слова с рекламного плаката / Товаров, якобы крутых. / Назло / всем этим бредням вашим / Престижным быть я не хочу. / Душусь одеколоном “Саша” / И долго, злобно хохочу...». Цитирую по пожелтевшему листу некогда единственно качественной, а теперь плоской, как и все остальные, газеты «Завтра» (см.: [8]).

Тональность критики, взятая куртуазным маньеристом, верна. Бичевать актуальное, абсурдом отороченное социальное зло иначе, наукообразным сленгом – лишь множить абсурд, ибо наука, с её нововременным происхождением, в родстве с буржуазным мировоззрением. О критическом потенциале убогих идеологических клише, над которыми небезумно ржут даже обитатели зоопарка, и говорить не стоит (наука, с опозданием на века, вынуждена признать у животных наличие «элементов» второй сигнальной системы, а стало быть, и «элементов» сознания). Ироничная самооборона и контратака – не от опущенных рук. Напротив, если мир действительно истончился, превратился в плён-

ку-сеть, и социальный авангард сплюснулся вместе с ним, то обнадёживающей, не теряющей в основании стратегией субъектности-суверенности остаётся стратегия выверенных, точечных ударов-уколов несдавшегося индивидуума. Деревянный человечек, несносный мальчишка, и тот смог порвать ширму, скрывавшую заветную дверь. Ни безочажным шарманщикам, ни мальвинам с фарфоровыми головами такого не совершить.

Россия времён реставрации капитализма. Самый что ни на есть текущий момент... Городской пейзаж. Его символом выступает треугольник, в углах которого – о «вершинах» говорить совестно – церковь, секс-шоп и налоговая инспекция. В центре символического треугольника, в центре заведомо ложном, несуразный, аляпистый новодел банка и нефтегазовой компании.

Иду к «Домику Каширина», где прошли детские годы Алёши Пешкова. Тёзка... Знакомые со школьных лет места. Но что-то настоживает. По одну сторону улицы – купола из драгметалла с запахом ладана внутри, по другую – тонированные стёкла с вывеской «Кальяны». Дурман готов окружить, опутать каждого и взять в оборот. Ускоряю шаг. Вот и музейная территория. Вхожу в главное строение. И сразу поневоле втягиваю голову в плечи, сутулюсь. В чём дело? Низкие потолки – сущностная черта мещанского быта и мещанской судьбы, столь ненавистных Максиму Горькому. Не затягиваю экскурсию. На свежий воздух! Высокий, вольный берег Волги. Спускаюсь к реке. По склону здания дореволюционной постройки. Устояли. И тогда, и сейчас словно декорации из горьковских пьес. Пора высказаться об их авторе, преимущественно в заявленном антропологическом ключе.

Самые актуальные писатели отечественной классики сейчас – Гоголь и Салтыков-Щедрин. Отношение к их персонажам, кстати, не претерпело изменений со школьной поры. Жизненные картинки истории города Глухова, «Ревизора» и «Мёртвых душ» без всяких поправок вписываются в обозреваемую повседневность. С Горьким – сложнее: при экстраполяции его зарисовок попадания чередуются с промахами. Бросим, церемониться нечего, на чашу нынешних оценочных весов смысла, соотнесённые корифеем соцреализма с дореволюционным дном общества, а вместе с ними и те, чуть ли не обожествляющие человека, что служили литератору контрастным фоном.

Сначала о панегирике – поэме «Человек», опубликованной в 1904 году (см.: [7]).

В силу антимещанского пафоса, подчеркнутого индивидуализма и превознесения сверхчеловеческой гордости текст второпях можно принять за проницшеанский. К тому же традиционные христианские ценности – вера, надежда, любовь – отодвигаются автором на задний план, приравниваются к путам, охвосту. Пусть так, пока подразумевается исключительно религиозно-церковный контекст. Однако абсолютно незачем лишать человека веры в себя и глумиться над земной, плотской любовью (сам Горький был из тех, кто ни одну женщину не пропустит). Однобоко и лживо полагать чувственность грязным лицом коварной любви.

Недавно известный журналист Александр Невзоров (мы одного поколения) высказался в том плане, что человечество и существует до сих пор только благодаря тому, что мужчины помогают женщинам. И буквально тут же его, независимо, поддержала Катрин Денёв: «приставать к женщинам» – нормально для мужчины. В самом деле: всеми правдами и неправдами лезть в кинематограф (велики ли способности?), выставлять себя напоказ в неглиже или того хуже, а потом злопамятно предъявлять претензии, – это какое-то юродство. Секс-символ, разминувшийся с самим означаемым, – это оксюморон, становящийся симулякром. Неприятно неплатоническое мужское внимание, сразу дай по рукам. Подайся к клирикам: там флирт всё больше однополый. Или снимай – не бикини – чисто женское кино. Но кто его будет смотреть?

До нелепости схожа ситуация с Максимом Горьким. При веренице гетеросексуальных связей – покрывается краской стыда к месту и не к месту. «Видеть в неаполитанском музее, стоя рядом с женщиной, статую без фигового листа было (для него – А. Ф.) таким внутренним терзанием, что он становился тёмно-красного цвета и немедленно скрывался с глаз; видеть на сцене женщину с обнажённой грудью было для него нестерпимой мукой...»¹. Анекдот...

Давайте всё-таки держаться жизненного реализма: отменяя – без морализаторской нудьги – и распущенность, и пуританское ханжество. И утопию, всякую, ну её: даже социалистическую, даже наукообразную. И рационализировать романтизм тоже ни к чему.

Но тут-то М. Горький всерьёз уже попадает в затруднительное положение. По его собственному признанию, как свидетельствует та же Н. Н. Берберова, он «не любил реальность, а любил золотые сны и иллюзии, от

¹ Берберова Н. Н. Железная женщина: документальный роман. – М.: Кн. палата, 1991. – С. 163.

которых слёзы набегали ему на глаза и сжималось горло. Он, как это ни странно сказать, принимая во внимание его отрицание всякой мистики, считал, что, если верить иллюзиям из всех сил, они перестанут быть иллюзиями и станут каким-то колдовским образом действительностью, уже хотя бы потому, что человек есть Бог и всё может, если захочет, потому что у него есть разум. А разум, он был в этом абсолютно непоколебим, разум всесилен. Надо только развивать его...»². Наблюдательная дама угадывает в пролетарском писателе с виллы в Сорренто – по характеру и привычкам – позднего викторианца. Что ж, близко к правде... Как и то, что после мировой войны этот тип был, по сути, обречён. Симптоматично падение переводных изданий Горького в 1920-е годы. Его неудачный киносценарный опыт: практическая несовместимость с новыми формами ангажированного и технически фундированного искусства, за которые сам теоретически ратовал. И – главное – его давняя и постоянно дающая о себе знать мировоззренческая слабость (будем называть вещи своими именами). Ему недостаёт не партийности, не классового подхода, а реализма как такового; реализма, свободного не от магических и фантастических вкраплений (без них реализм несостоятелен), а от панлогистских предрассудков. От банального идеализма, если хотите...

Возвращаемся к горьковской антропологии начала века, к восторженному речению о мятежном, мужественном походе Человека (с большой буквы)... куда-то «вперёд и вверх». А ведь там... ни гор, ни перелесков, ни разлива рек, ни Стрелки (в краеведческом, не бандитском смысле). Ничего природного, физического. Одна надменная, любующая собой Мысль... Будто бы развеявшая все сомнения... Намеревающаяся победить смерть... Подобная, пафосно-дубоватая интеллигентность будет заставлять впоследствии её адепта и открыто возмущаться запретом Наркомпроса на издание «непередовых» классиков мировой культуры, и одновременно самому, не смущаясь, отбраковывать «неоптимистические» творения, настаивать на упрощённом переписывании и дописывании литературных и философских шедевров. И ныне – сбывшись: «Гегель и Шопенгауэр за 30 минут» – для ЕГЭнутого поколения. Офисному планктону и галочному электорату большего, впрочем, и не нужно.

Человечище (сегодня звучит в тональности рекламы: «тарифище») рисуется Горь-

² Там же. – С. 118.

ким, не скрыть, как автопортрет: «глубоко посаженные глаза» выдают притязания автора. Априори ничего уж особо предосудительного в этом нет (хотя, признаться, сверхсерьёзное отношение к собственной персоне настораживает). Фактичность же оставляет желать много лучшего. Шествует-то, оказывается, – безмерно прогрессистским шагом – не глыба, не психосоматическое существо, а его редуцированная интеллигентная призрачность. Шагает автоматически. Ни о воле (где тут Ницше?) речь в тексте не идёт, ни даже об упрямстве (где обрусевшее, по образцу таможенника Верещагина, нищестанство – с пулемётом, икрой, баркасом и... границей, существующей-несуществующей?).

М. Горький по-настоящему понятен и близок лишь тогда, когда бичует эксплуатацию человека человеком и экспансию мещанства. Здесь всё без прикрас и иллюзий – разоблачительно. Прежде всего, касательно мещанства, которое распознаётся как продукт, посредник и питательная среда эксплуатации, как проклятие мира, пожирающее человека изнутри, как донельзя прагматичное сословие с культом «мелких дел». «И если Человек похитит огонь с небес – Мещанин (прописная буква коробит – А. Ф.) освещает этим огнём свою спальню или пользуется им как средством передвижения, не бросая в то же время старого и удобного способа подвигаться к своему благополучию – езды верхом на шее ближнего» [7, с. 489]. В мирное время – торгует и ворует, на войне – мародёрствует. В политике стыдится идти направо, страшится двигаться влево. Подло противоречив и проклят «проклятием бессилия»; и торжество его «злбно, но скучно и бесцветно» (см.: [2]). Себялюбивое убожество. Имеющее, впрочем, влиятельных метафизических покровителей. «В светской философии особенно успешно утверждал себялюбие – иначе индивидуализм – премудрый немецкий мещанин Иммануил Кант, человек, мыслящий образцово механически и чуждый жизни, как мертвец» [4, с. 10].

Тут надо взять паузу. И не для того чтобы заступиться за Канта (выпад по его адресу во многом оправдан), а для того чтобы внимательнее присмотреться к индивидуализму, который со своим требованием автономии личности отнюдь не всегда социально негативен. Одна ситуация и оценка, когда индивид эгоистично живёт за счёт других, паразитирует на них; другая ситуация и оценка, когда он не напрягает окружающих, пусть и не торопится помочь им (см.: [11]). Всем и не поможешь, сил хватит только на некоторых.

Всё-таки только они, некоторые, а не все способны понять и принять тезис о взаимосвязи их свободного развития и твоего. Здоровый индивидуализм и социализм с человеческим лицом не чужды друг другу.

М. Горький иногда вносит градацию в характер индивидуализма, иногда нет, однозначно противопоставляя его тогда коллективизму – сразу сталкиваясь в данном случае с идейными неурядицами. Обнаруживается даже некоторая историческая корреляция. Когда народ активен и зол (как в 1905-м году и непосредственно после Октября 1917-го, при размытой грани между революционным террором и бандитизмом), писатель, защищая личность человека и взывая к ней, отходит от тотального порицания индивидуалистических настроений, в прочие времена, увы, раскручивает его маховик. В статье «Разрушение личности» (1909 г. – период реакции, уныния и социальной пассивности) он категоричен: «Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность – инертна, консервативна и враждебна развитию жизни» [6, с. 34].

Здесь же приводится любопытное разъяснение: «Искусство – во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий воплотил его в мрамор» [Там же]. Стоп! Разъяснение играет скорее против апологии коллективизма. Народ в образе Зевса сотворил себе религиозного – морально-аморального – кумира, закрепощающего человеческое сознание. Скульптор преобразовал идола в шедевр культуры. Не в чисто эстетический, нейтральный феномен, а в феномен, раскрепощающий человека. Известно, что на изображениях олимпийских богов великий афинянин позволял себя изображать, в качестве элемента композиции, собственный и Периклов профиль. В данном случае художник-индивид – творит, демос – имитирует творчество. В «Заметках о мещанстве» (1905 г. – пик революционной волны) Горький продуктивно различает индивидуализм мещанский и героический. Один, присущий героическим натурам, учит: не Я в центре мира, а мир во мне. Другой, мещанского покроя, надменно ставит человека в центр мироздания (см.: [2, с. 355]). Точнее всё-таки – в ложный центр. Отсюда и оппортунистическая, нигилистическая (в пределе) суть мещанства. Его последовательная дискредитация в горьковских текстах, невзирая на колебания автора в вопросе об индивидуализме, прямой наводкой бьёт, отчасти – пре-

вентивно, по теории «среднего класса», по его надуманно позитивной роли в общественной жизни.

Критикой мещанства Горький старается изжить его в себе. Или талантливо показывает такое старание. Поэтому критика и убедительна. С индивидуализмом – сложнее. В определённой форме он несомненно присущ писателю – и тот, похоже, порой не знает, что с ним делать. Д. В. Философов, дуалистически рассекая фигуру нашего героя на художника-анархиста и гражданина-эсдека, утверждает: «Горький не сумел осмыслить своего индивидуализма. Он чисто внешне, механически соединил его с ходячим материализмом и впал в самую низменную пошлость» [по: 9, с. 719]. Не без доли правды, но упрощённо механистическая, со смешением материализма с позитивизмом и прагматизмом, трактовка. От дуалиста, однако, иной и не получишь. В действительности индивидуализм, даже если он крепок, время от времени отрицает себя, понуждая человека к единению с той или иной общностью: природно-культурной, политической, религиозной. Горьковские поиски правды в социализме и богоискательство – естественные эпифеномены стесняющегося индивидуалиста. В каком-то смысле – его отдушины, в каком-то – его соблазны. Эти эпифеномены, впрочем, готовы превратиться в атрибуты. И тогда в ряду сопутствующих окажутся уже индивидуалистические черты.

Теперь – на фоне рассуждений об индивидуализме и мещанстве – ещё раз о нормах быта и профессионально-классовой идентификации. Ни по поводу гонораров, ни по поводу вилок к М. Горькому – никаких претензий. Он заработал их талантом и честным трудом: не продажей углеводородов и не прокачкой административного ресурса. И с амурными похождениями, в общем, порядок: никого ведь маниакально не преследовал, поклонницы сами были не прочь... Но зачем ему бирка «пролетарского писателя»? Она и сама по себе выглядит неважнецки – даже со скидкой на время и тогдашний исторический момент с авангардной (по крайней мере, в теории) социальной ролью рабочего класса. Всё равно это странный симбиоз высокомерия и угодничества интеллектуала по отношению к недообразованному и недовоспитанному четвёртому сословию. А контекстуально – для выходца из зажиточных мещан без всякого фабрично-заводского опыта, для апологета анархистствующего босячества с претензией на аристократизм,

для первопоколенного интеллигента-подвижника с просветительским культуртрегерством – зваться пролетарским литератором попросту абсурдно. И это небезобидный абсурд. Он, в комбинации с другими факторами, приведёт в конце концов ревнителя человеческого достоинства к оправданию неправомерно принудительного труда (испытывая неприязнь к капитализму, обойдёмся и без идеализации советского строя).

Между тем чутьё художника изначально подсказывало – заметно уже в определяющей всё творчество Горького пьесе «На дне» (1902), – что с пролетарским сознанием и его социальным носителем, а заодно и с соответствующей «прилагательной» самоидентификацией можно нахлебаться. Насчёт механической, натужной сцепки художественного и идеологического в горьковском мировоззрении Д. В. Философов, как уже было отмечено, отчасти прав. Надо лишь учесть, что художественные формы всегда объёмнее и многограннее любых поставленных им в соответствие идеологических форм. Наложение последних на художественное полотно неминуемо ведёт к механистическим стыкам-несостыковкам.

Перебирая действующих лиц драмы (см.: [3]), пропустив пока признанных лидеров – Сатина, Пепла, Луку (двух убийц и соблазнителя душ), – зафиксируем «рабочего человека» Клеща. Отвратительный тип. Даже на фоне остальных обитателей ночлежки. И единственный из персонажей, кто может похвастаться причастностью к пролетариату. Классовая адвокатура наверняка сразу возмутится: дескать, он пролетарий в прошлом, не в настоящем, а теперь люмпен, маргинал. Однако и раньше, судя по жалобам чахоточной жены, светлым человеком Клещ не был. Да и бог с ними, с жалобами. Нить с прошлым не оборвана и без них... Высокомерен к сожителям-бездельникам. Но на элементарный вопрос «Зачем трудиться?» ответить не в состоянии. Работает по привычке, уподобившись кем-то заведённой машине. Ненавидя всё и всех... рассчитывает на помощь со стороны. Ни грамма самостоятельности. Ни бросить все силы на то, чтобы лечить страдающую жену. Ни ускорить фатальный процесс, чтобы прекратить страдания. Не решается ни на что. Просто ждёт обстоятельств, которые его освободят. Надеется, что пути отомрут сами собой. Никуда ему, конечно, не деться, не приподняться с социального дна. Выражаясь кондовым языком (иногда уместно), в образе Клеща драматург показал, что

пролетарий без постоянной идеологической подпитки – слева или справа – никогда не выйдет за рамки тред-юнионистского сознания, экономически сформированного, узко-прагматического, мещанского.

Кратко – о некоторых других персонажах пьесы. Лука – сладкоречивая шельма. Имя не врёт. Даже жлоб Костылев, хозяин склизкого заведения, резонно вставляет: него же страннику смущать людей разговорами. Старик-собственник (в родстве с полицией, что симптоматично) подозревает пришлого старика в неблагонадёжности: паспорта-то нет. Небезосновательны, впрочем, и встречные подозрения: не с дозволения ли самих надзирающих органов проповедник примиренчества спокойно обходится без документов? Елейная жалостливая ложь Луки оказывается кислотной субстанцией, которая с Сатина снимает ржавчину (но таких, с характером, раз-два и обчёлся), а Актёра (из бесхребетного большинства) смыкает в петлю. «Раз-два» – это ещё и Васька Пепел. С наносным, для самозащиты, цинизмом. С пробуждающимся искренним чувством к женщине – а та, забитая, его, по сути, сдаёт (и чем лучше стервы-сёстры?). Ни одного вызывающего симпатию женского образа на сцене. Это приговор – и обжалованию не подлежит. Приговор социальному дну и тамошним смыслам-миазмам. Остаётся, правда, упоминаемая Сатиным его сестра. И он сам. Насколько серьёзны его декларации о достоинстве человека? Не игра ли это? Не гоголевская ли это история: воспевать Русь-Тройку, а в тройке – мошенник? Славить человека, а славильщик – карточный шулер? Не алкогольная ли бравада? Сатин ведь любит вербально удивить публику: «трансцендентальным органом», например. Может, и «звучит гордо» из той же оперы? Но нет. Всё-таки нет! И решающий аргумент – не логический, а практический. Защищая честь сестры, покарал негодяя. Не робкого десятка. Можно доверять!

Революционный (или как минимум бунтарский) посыл драмы «На дне», пробивающийся сквозь гниlostную безнадёгу «ночлежных» смыслов, и проявляется в том, что оба персонажа, не вызывающих антипатии, Васька Пепел и Сатин, пустили кровь эксплуататорам: один – случайно, но не без причины; другой – по справедливой мести. Здесь я вспомнил и повторил свой ответ – оценка «отлично» – с урока литературы в неинновационной советской школе середины 1970-х годов. Пресловутая инноватика, по

социальному факту – технология конформизма, такому не научит.

Точечные выпады против классового врага (способные, кстати, не просто потрепать – обескровить противника, не прибегая к тотальным классовым репрессиям) неплохо согласуются с гуманистической стратегией возрожденческого толка – индивидуалистической, конечно же, но отнюдь не обязательно буржуазной. Однако для М. Горького она именно буржуазна и полна недостатков: главное, она далека от человеколюбия – как будто его, и никак не меньше, непременно требует линия гуманизма. Это явно завышенное требование, надо сказать. Для гуманиста достаточно уважительного отношения к людям, не более. Человеколюбие располагается выше в иерархии ценностей, хотя и оно, как свидетельствует история, не страхует общество от обильного кровопускания. Горький ратует за пролетарский гуманизм, который, во славу «подлинного человеколюбия», кованым сапогом революционного рабочего «наступит, как слон, на обезумевший, суетливый муравейник лавочников, – наступит и раздавит его» [5, с. 241].

Чары инквизиции – та ведь тоже пытала калёным железом из «подлинной любви» к человеку. Не случайна горьковская квазирелигиозная ремарка по поводу того, что в социальном пространстве пролетарского гуманизма гаснет распря знания и веры: «...там верование – результат познания человеком силы своего разума, и это верование, создавая героев, не создаёт и не создаст богов» [Там же]. Наивнейшее заблуждение! Здесь обожествляется, фетишизируется сам разум. Утрачивая способность к здоровой критике и самокритике, он совершает просчёт за просчётом. Опаснейший противник советского общества – фашизм – рисуется легковесной, пусть и с оговорками, карикатурой: парадом «рахитичной, золотушной, чахоточной молодёжи...» [Там же, с. 236]. Увы, враг – не верим, а знаем – оказался гораздо серьёзнее. Не одними взбесившимися лавочниками и тщедушными юнцами, но и потомственным юнкерством и жилистыми пролетариями он был представлен в маршевых батальонах агрессора. И, что в каком-то смысле ещё важнее, он был вооружён научно-технической мощью европейской цивилизации.

Кульмис науки, связанный с отождествлением знания и веры, не позволил М. Горькому трезво оценить угрозы сциентизма и его технических воплощений, их разрушительный, а не только созидательный, потенциал.

Возможно, правда, революционеру трезвость здесь и не нужна. Особенно такому, который планирует радикально преобразовать не одно лишь общество, но и природу, намереваясь победить смерть. И тут два экстремума сливаются в единой провокации: идея бессмертия всегда находится в концептуальной смычке с идеей вселенской гибели. Горьковский случай типичен: размышления о преодолении смерти сочетаются с опытом неудачного самоубийства и с живым любопытством к перспективам создания ядерного оружия, способного уничтожить мир. И ещё, вспоминает В. Ф. Ходасевич: «Ему (Горькому – А. Ф.) нравились все, решительно все люди, внесшие в мир элемент бунта или озорства, – вплоть до маньяков-поджигателей, о которых он много читал и о которых готов был рассказывать целыми часами. Он и сам был немножко поджигатель. Ни разу я не видел, чтобы, закуривая, он потушил спичку: он непременно бросал её непотушенной» [по: 9, с. 140]. Вселенский пожар ни с человеколюбием, ни с гуманизмом как-то не вяжется.

Непролетарский, даже буржуазный, гуманизм, признавая порочность капиталистической системы, может не признавать её неизбежной гибели. Но тем самым он и не обрекает на смерть – от своего имени – претерпевающего человека. Пролетарский гуманизм, будучи обязанным, социально веруя, утверждать закономерный крах капитализма, должен, оставаясь честным перед самим собой, утверждать и неизбежную (на пути перехода к бесклассовому обществу) историческую гибель победившего пролетариата. Тем самым вольно или невольно оправдываются (особенно при лозунге о необходимо ускоренном строительстве социализма) пореволюционные фронтальные репрессии и по отношению к классу трудящихся. Эти жёсткие акции легко выдать за акт классового самопожертвования во имя светлого будущего. Циникам и садистам, во власти их всегда немало, только того и нужно: гарантия безнаказанности обеспечена. Нет, «пролетарская» прибавка к гуманизму и человеколюбию, как и к писательству, не воодушевляет. Даже того, кто далёк от непротивленчества и идеалов ненасилия и кто трудится от зари до зари.

Заключение. Сегодня, в эпоху реставрации капитализма в России, в ситуации циничной эксплуатации большинства населения, эксплуатации, протестно выраженной плакат-

ной формулой «Голосуй, работай, сдохни», Максим Горький читается. Да, узкоклассовый «пролетарский» ингредиент его творчества небесспорен. И в собственно антропологической проблематике вопросы к писателю имеются (не говоря уже о его сциентистских и природо-покорительских соблазнах). Но – в произведениях Горького, художественных и публицистических, есть стержень, который вызовет солидарный, сочувственный отклик у труженика. У экзистенциального реалиста – наверняка.

С детства врезались в память слова о гордом звучании имени Человек и о справедливости сокрушительного ответа на выпады противника. «Если враг не сдаётся, – его уничтожают»: смысл текста (см.: [1]) не в проповеди агрессивности, а в разумном оправдании активной самообороны. По мере взросления и накопления жизненного опыта эти мировоззренческие установки не ослабли, наоборот, окрепли, воссоединившись с другими – предельно экзистенциального плана – из богатого горьковского наследия. Двумя концептуально мощными, актуальными цитатами с минимальным комментарием к ним и завершу.

«Стремление ко власти свойственно только людям ограниченным, только тем, кто не способен понять красоту и великую мудрость внутренней свободы, той свободы, которая не способна подчиняться и не хочет подчиняться. Властные люди вообще – тупы, а когда они могут действовать безнаказанно, в них просыпается атавистическое чувство предка-раба, и они как бы мстят за его страдания, но мстят не тем, кто заставляет страдать, а тем бесправным людям, которые отданы государством под власть его представителей...» [2, с. 360]. Судя по текущему положению дел, Россия за сто с лишним лет ни на шаг не продвинулась вперёд от какотратии, власти худших. Если в политико-антропологическом аспекте беспроблемный инвариант, то в аспекте социальном, по сравнению с горьковскими временами, наблюдаем новацию. Авангардного класса на горизонте не обнаружить. Для коллективистского мировоззрения – это трагедия. Для здорового индивидуализма – ничего экстремального. Всё как прежде: «Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя – умей в самом себе развивать сопротивление насилию» [Там же, с. 341].

Список литературы

1. Горький М. Если враг не сдаётся, – его уничтожают // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 226–229.

2. Горький М. Заметки о мещанстве // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 341–367.
3. Горький М. На дне. Картины. Четыре акта // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 103–175.
4. Горький М. О социалистическом реализме // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 5–13.
5. Горький М. Пролетарский гуманизм // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 233–241.
6. Горький М. Разрушение личности // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 26–79.
7. Горький М. Человек // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1949–1955. С. 362–368, 487–489.
8. Григорьев К. Идите в шопинг // Завтра. 2000. № 47. С. 8.
9. Максим Горький: pro et contra / вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. СПб.: РХГИ, 1997. 896 с.
10. Миронов В. В. Наукометрия как разновидность безумия // Сократ. 2016. № 5. С. 8–11.
11. Фатенков А. Н. Индивидуализм: по ту сторону предубеждений // Философия и культура. 2013. № 2. С. 163–170.

Статья поступила в редакцию 01.02.2019; принята к публикации 26.02.2019

Библиографическое описание статьи

Фатенков А. Н. Антропология М. Горького взглядом из капиталистического сегодня // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 2. С. 48–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-48-57.

Aleksey N. Fatenkov,

*Doctor of Science (Philosophy), Professor,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, National Research University,
(23 Gagarina ave., Nizhni Novgorod, 603950, Russia),
Privolzhskiy Research Medical University
(10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russia),
e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru
orcid: 0000-0001-8628-2413*

M. Gorky's Anthropology from the Capitalist Today's Perspective

The anthropological views of M. Gorky are being reconstructed in the context of modern social situation (not without a share of irony) and his personality. In methodology, the author relies on existential realism which is a dialectic unity of an instrument-method and ontological basis of the research. The coordinates of accord and discord between existential and socialist realism are being clarified. The play "The Lower Depths" (1902), the poem "The March of Man" (1904) and the articles "Notes on Philistinism" (1905), "Destruction of Personality" (1909), "If the enemy does not surrender, he is destroyed" (1930), "About Socialist Realism" (1933) and "Proletarian Humanism" (1934) are in the focus of author's attention. The "superhuman" ideas by M. Gorky and some peculiarities of his realism are being critically considered. The general sentiment of the writer against exploitation of man by man and expansion of philistinism is being supported. The antinomy of individualism is being discussed. Particular aspects of a humanist problem are being considered. The "female question" and proletariat topic in the writer's thoughts and actions are being raised. In correlation with ideological and artistic meaning of M. Gorky's works and relying on existential philosophy's traditions a negative essence of both capitalism as such and a modern Russian one is refined and emphasized.

Keywords: Maxim Gorky, anthropology, human, dignity, humanism, realism, individualism, philistinism, capitalism, exploitation

References

1. Gorky, M. If the Enemy Does Not Surrender, He Is Destroyed, in: M. Gorky, Works, vol. 25. Moscow: Goslitizdat Publ., 1949–1955, pp. 226–229. (In Rus.)
2. Gorky, M. Notes on Philistinism, in: M. Gorky, Works, vol. 23, pp. 341–367. (In Rus.)
3. Gorky, M. The Lower Depths: A Play in Four Acts, in: M. Gorky, Works, vol. 6, pp. 103–175. (In Rus.)
4. Gorky, M. About Socialist Realism, in: M. Gorky, Works, vol. 27, pp. 5–13. (In Rus.)
5. Gorky, M. Proletarian Humanism, in: M. Gorky, Works, vol. 27, pp. 233–241. (In Rus.)

6. Gorky, M. Destruction of Personality, in: M. Gorky, Works, vol. 24, pp. 26–79 (In Rus.)
7. Gorky, M. The March of Man, in: M. Gorky, Works, vol. 5, pp. 362–368, 487–489. (In Rus.)
8. Grigoriev, Constantine. Go shopping. Zavtra, 2000, no. 47 (364), p. 8. (In Rus.)
9. Zobnin, Yu. V. (ed.) Maxim Gorky: pro et contra. St. Petersburg: Russkiy Khristianskiy gumanitarnyi institut Publ., 1997. (In Rus.)
10. Mironov, V. V. Scientometrics as a form of insanity. Sokrat, no. 5, pp. 8–11, 2016. (In Rus.)
11. Fatenkov, A. N. Individualism: Beyond the Prejudices. Filosofiya i kul'tura, no. 2, vol. 62, pp. 163–170, 2013. (In Rus.)

Received: February 1, 2019; accepted for publication February 26, 2019

Reference to the article

Fatenkov A. N. M. Gorky's Anthropology from the Capitalist Today's Perspective // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 2. PP. 48–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-48-57.